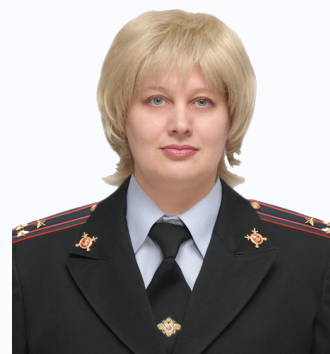

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**FORENSIC ASPECTS OF THE PRESENTATION
FOR IDENTIFICATION: THEORY AND PRACTICE**

Космодемьянская Елена Евгеньевна,
*доцент кафедры криминалистики Сибирского
юридического института МВД России
(г. Красноярск), кандидат юридических наук,
доцент*

kontra2505@mail.ru

Ключевые слова:

закономерности формирования мысленного образа, тактические приемы предъявления для опознания, опознание по признакам внешности, опознание предметов.

В статье рассматриваются криминалистические аспекты предъявления для опознания, а именно организационно-тактические и психологические особенности этого следственного действия. Осуществлен анализ практики предъявления для опознания различных видов, выявлены проблемы и трудности, возникающие при его производстве; по его результатам даны рекомендации, направленные на повышение эффективности данного следственного действия.

Keywords:

patterns of mental image formation, tactical presentation techniques for identification, identification by signs of appearance, identification of objects.

The article discusses the forensic aspects of the presentation for identification, namely the organizational, tactical and psychological characteristics of this investigative action. The analysis of the practice of presentation for identification of various species is carried out, problems and difficulties arising in the course of its proceeding are revealed; based on these results, recommendations aimed at increasing the effectiveness of this investigative action are given.

Как известно, предъявление для опознания, в процессе которого отождествление или установление сходства происходит путем узнавания, является разновидностью (формой) криминалистической идентификации.

Психологическая природа предъявления для опознания основана на таких психических процессах, как восприятие, запоминание и воспроизведение. В их основе лежат процессы усвоения отличительных признаков определенного объекта и использования этих признаков для выделения объекта из других подобных, которые еще называют стадиями усвоения и распознавания. Усвоение связано с созданием мысленного образа воспринятого объекта. Распознавание составляет содержательную часть самого предъявления для опознания. [9]

Таким образом, психическая деятельность человека, в основе которой лежат связанные между собой перцептивные и мнемические процессы, составляет главное содержание данного следственного действия. [6, с. 362]

В процессе усвоения признаков объекта происходит формирование образа, создание мысленной модели – эталона для будущего опознания.

Здесь следует учитывать закономерности формирования мысленного образа объекта, которые связаны с рядом субъективных и объективных факторов (условия восприятия, его длительность, состояние перцептивных органов, состояние воспринимающего субъекта, мотивация восприятия (интерес, активность внимания) и др.).

В ходе допроса, предшествующего опознанию, происходит актуализация воспринятого объекта за счет его словесного описания. В стадии распознавания происходит психологический процесс сличения, сравнения предъявленных объектов с представлением об объекте, имеющемся в памяти опознающего. Здесь ведущая роль принадлежит процессу сравнения как главному компоненту познавательной деятельности. Также необходимо учитывать тот факт, что для процесса отождествления важно, насколько сопоставимы сравниваемые объекты (по родовым и индивидуальным признакам).

При этом следует отметить, что предъявление для опознания – единственное следственное действие, тактические аспекты производства которого, в отличие от иных действий, нашли процессуальное закрепление в УПК РФ. Это, несомненно, облегчает для субъекта расследования достижение необходимых задач и получение качественного процессуального результата.

Однако, как показало изучение практики производства предъявления для опознания различных видов, у действующих сотрудников следствен-

ных подразделений ОВД до сих пор возникают некоторые трудности при его осуществлении¹.

Напомним, что в ч. 7 ст. 193 УПК РФ имеется прямой запрет: наводящие вопросы недопустимы. Однако нередко на практике возникает проблема, когда субъект расследования в начале следственного действия некорректно разъясняет его сущность опознающему: «Вы приглашены опознать украденную у Вас вещь среди предъявляемых предметов». В данном случае добросовестный опознающий во что бы то ни стало будет стараться выбрать, найти среди предметов «украденную у него вещь», даже если таковая отсутствует, поскольку следователь заведомо ему обозначил такую задачу. Это может привести к ошибочным результатам опознания.

Еще одна проблема связана с имеющими место в практике расследования повторными предъявлениями для опознания, хотя они прямо запрещены уголовно-процессуальным законом (ч. 3 ст. 193 УПК РФ). Этот запрет связан с психологическими основами данного следственного действия. При повторном предъявлении для опознания объекта происходит сличение его признаков с чертами мысленного образа не того объекта, который связан с расследуемым событием, а объекта, воспринятого позже (при первоначальном предъявлении для опознания, в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, при случайном восприятии в ходе осуществления иного следственного действия (потерпевший увидел подозреваемого на допросе) и т.п.), именно поэтому теряется смысл такого опознания и ставится под сомнение достоверность отождествления.

Не зря среди рекомендаций тактического характера существует следующая: перед тем как показать опознающему предметы с заранее разложенными под ними номерами, их целесообразно накрыть каким-либо предметом, чтобы при ознакомлении с правами, заполнением граф протокола следственного действия опознающий не увидел сразу эти предметы, иначе в стадии узнавания он как раз и будет сравнивать объект-стимул с образом, запечатленным при входе в кабинет следователя, т.е., по сути, произойдет повторное предъявление для опознания с задействованием оперативной памяти опознающего. К сожалению, на практике эти рекомендации тактико-психологического характера не учитываются следователями, что также может приводить к ошибкам опознания.

---

¹ Изучение проводилось в ходе проведения практических занятий с обучающимися двух групп по программе профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц среднего и старшего начальствующих составов органов внутренних дел, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел на должности сотрудников подразделений предварительного следствия, сотрудников подразделений дознания, сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (на базе высшего юридического образования) по должностной категории «Полицейский», имеющими стаж работы 6 месяцев и более.

Еще одна проблема была выявлена в ходе имитации предъявления для опознания по голосу.

Вопросы, которые подлежат обязательному выяснению в ходе допроса, предшествующего предъявлению для опознания, сводятся к следующему: 1) в каких условиях опознающий видел и (или) слышал опознаваемого человека; 2) в какое время суток, при каких погодных условиях происходило восприятие голоса и речи; 3) какова фоновая обстановка восприятия (наличие шумов движущегося транспорта, работающих приборов, техники, звучание музыки, посторонних голосов и т.п.); 4) как долго происходило восприятие; 5) каково состояние органов чувств, и прежде всего слуха опознающего, свойства его памяти; 6) хорошо ли он запомнил воспринятые признаки, может ли их описать, выделить специфические особенности; 7) может ли допрашиваемый опознать в числе других именно то лицо, признаки голоса и речи которого он запомнил? [4]

К сожалению, следователи не знают, по каким признакам речи возможно опознавать лицо. Поэтому при формулировке вопросов на предшествующем опознанию допросе в лучшем случае фиксируются наличие акцента и гендерные различия. Об этом же говорят и другие авторы, утверждая, что наиболее часто «опознающие могут дать только общее описание голоса и речи неизвестного, которое позволяет установить его групповую принадлежность, а непосредственно во время опознания опираются на признаки, которые не способны выразить словами или которые «всплывают» в памяти уже во время звучания голоса одного из опознаваемых...» [5].

Поскольку звуки голоса в большинстве случаев не поддаются детальному описанию, в ходе допроса опознающего для решения вопроса о целесообразности производства данного следственного действия необходимо попытаться установить следующие признаки:

- пол и возрастная категория: мужчина или женщина; ребенок; подросток; молодой; взрослый (среднего возраста); пожилой (старый);
- высота, громкость и сила голоса;
- характер речи: медленная/быстрая; спокойная/возбужденная; связная/отрывистая; внятная-невнятная (дикция);
- стиль и форма речи: официально-деловой; разговорный; монолог/диалог; короткое, заранее подготовленное сообщение и т.п.;
- темп речи: быстрый/медленный;
- использование жаргонизмов, профессионализмов и других характерных для опознаваемого лица слов и выражений;
- наличие дефектов произношения (заикание, шепелявость, картавость и др.);
- наличие признаков национального акцента или территориального диалекта и степень их проявления (сильная/слабая/средняя). [5]

Также в ходе самого предъявления для опознания не учитываются организационно-тактические рекомендации, в частности по расположению участников данного следственного действия, по последовательности их действий. В данном случае можно рекомендовать следующее:

- в целях предотвращения умышленного искажения голоса опознаваемым его необходимо располагать в смежном помещении, где он ведет разговор со статистами или произносит монолог, содержащий фразы, которые говорил в момент преступного события; там же находятся понятые и следователь;
- опознающий находится в смежной комнате вместе с понятыми;
- при подготовке к такому опознанию необходимо обеспечить сопоставимость вида и стиля устной речи, физического состояния говорящего, акустических условий прослушивания, а также технических характеристик сравниваемых речевых сигналов, для чего рекомендуется привлечь специалиста.

Однако некоторые авторы полагают, что способность человека к надежному опознанию по голосу другого человека не может быть научно обоснована. «Основным недостатком метода аудитивного анализа является его субъективный характер и высокая обусловленность индивидуальными врожденными или тренированными способностями эксперта к аудитивному восприятию речевых особенностей. Поэтому данный метод используется только в совокупности с другими более объективными методами анализа речевых сигналов. Только совокупность различных методов (аудитивный, речевой и инструментальный) дает надежный и достоверный результат идентификации подозреваемого лица. Таким образом, в уголовном деле речь может идти только о фоноскопической экспертизе, но не об опознании по голосу...» [2; с. 207]. К сожалению, на практике это не всегда возможно реализовать из-за отсутствия необходимых сравнительных образцов.

Другие авторы предлагают «в целях оптимизации проведения предъявления личности для опознания по признакам голоса и речи предъявлять для опознания не говорящих людей, а исключительно фонограммы их голоса и речи» [4].

Данное предложение продиктовано, по их мнению, рядом обстоятельств: 1) современный уровень развития звукозаписывающей аппаратуры позволяет воспроизвести звукозапись самого высокого качества; 2) посредством использования звукозаписи можно добиться оптимального объема речевого материала как по информативности, так и продолжительности звучания; 3) с помощью соответствующей аппаратуры будет выявлен тот участок речевой информации, который менее всего был подвержен умышленному искажению голоса и речи говорившего; 4) фонограмма готовится в идеальных акустических условиях, которые при необходимости могут быть смоделированы под тот фоновый шум, при котором опознающий воспринимал голос и речь опознаваемого человека (например, шум ветра, наличие гула посторонних голосов, движущее-

гося транспорта, работающего телевизора, звучание музыки и пр.); 5) отпадает необходимость подбора статистов, голос и речь которых должны быть схожи с проверяемым лицом, поскольку возможности звукозаписывающей техники и компьютерных технологий позволяют смоделировать образцы голоса и речи, которые будут иметь как совпадающие, так и различающиеся признаки по сравнению с проверяемым лицом. Таким образом, в качестве двух статистических образцов голоса и речи будут выступать две виртуальные модели. С одной стороны, это решает задачу поиска статистов, с другой – подготовка статистических образцов голоса и речи (виртуальных) обеспечивает соблюдение требований законодателя о «сходности объектов» практически со стопроцентной надежностью, решение задачи опознания будет максимально объективизировано, поскольку опознающему будут представлены объекты, имеющие различающиеся и совпадающие признаки, зафиксированные с помощью приборов. [4]

Казалось бы, вполне рациональное предложение, однако возникает вопрос о достоверности такого опознания и допустимости его результатов в качестве доказательства по делу. Поскольку объектом первоначального восприятия была не фонограмма, а голос живого человека, происходит подмена эталона для мысленной идентификации. Ведь даже по фотографии лицо предъявляется для опознания только в том случае, если нет возможности его предъявления в натуре (ч. 5 ст. 193 УПК РФ). С учетом этого подобные предложения по оптимизации данного следственного действия именно таким путем представляются весьма сомнительными.

Напомним, что учеными выделяются два вида узнавания: симультанное и сукцессивное. Первое заключается в мгновенном совпадении образа предъявляемого объекта с эталоном, находящимся в памяти. Это обусловлено следующей закономерностью восприятия: несколько опознавательных ориентиров признака объекта воспринимаются как единое целое, не поддающееся детальному описанию на вербальном уровне. Второе происходит путем выявления и сличения признаков объекта с чертами мысленного образа. С позиций психологии более надежным является первый вид. [6, с. 262-263]

В ходе мысленного сличения образа в памяти с предъявляемыми объектами-стимулами происходит взаимодействие между следами памяти и поступающими перцептивными сигналами от предъявляемых объектов. И, как свидетельствует практика, чаще всего происходит одномоментное узнавание, так как опознавательные ориентиры в отдельности не осознаются опознающим. Они слиты в сознании как один образ-стимул конкретного человека или предмета. [7, с. 365]

Однако такая позиция противоречит имеющимся требованиям уголовно-процессуального закона о необходимости предварительного выделения при-

знаков объекта на предшествующем опознанию допросе (ч. 2 ст. 193 УПК РФ), после чего принимается решение о целесообразности предъявления для опознания, в ходе которого опознающий должен будет назвать признаки, по которым он опознал объект (ч. 7 ст. 193 УПК РФ), то есть законом, по сути, закреплено «сукцессивное узнавание».

Это так называемый классический случай, когда в памяти опознающего «на уровне актуального слоя запечатления сохранилось большое количество информации, которая в момент предъявления объекта для опознания находится в состоянии готовности для сравнения с признаками предъявляемого объекта». Именно этот способ признается единственно правильным и допустимым законодателем и многими криминалистами. [3]

И это еще одна из серьезных проблем практического характера, обуславливающая трудности при производстве данного следственного действия.

Оказывается, в большинстве случаев опознание происходит не столько по тем признакам, которые ранее описывались опознающим, сколько по другим, скрытно хранившимся в его памяти. Это вариант, когда «информация о внешних признаках запечатлелась на уровне латентного слоя, однако в ходе предъявления объекта она актуализируется и происходит опознание». Это достаточно распространенные на практике случаи, когда допрашиваемые не могут назвать признаки и приметы опознаваемого лица, но уверены, что смогут опознать его, когда увидят. Этот феномен объясняется тем, что «в памяти на уровне актуального слоя запечатлелось мало информации о внешних признаках, но в момент предъявления объекта часть информации из латентного слоя перешла в актуальный и произошло узнавание как по признакам, которые назывались лицом при предварительном допросе, так и по признакам, которые актуализировались в ходе предъявления для опознания» [3].

Именно так произошло при проведении практических занятий с действующими сотрудниками следственных подразделений ОВД, когда слушатель, выполнявший роль опознающего-свидетеля на допросе, описал родовые признаки предмета (форму, цвет, размер, материал, наличие деталей), а в ходе опознания уверенно опознал предмет по иному, не указанному ранее, индивидуальному признаку (розовой подкладке сумки). Это было объяснено тем, что в момент допроса он про этот признак забыл, а увидев предъявленный предмет в натуре, тут же про него вспомнил, поскольку именно на него обратил внимание при первоначальном восприятии.

В данном случае следует после предъявления для опознания провести допрос опознающего для выяснения причин, по которым он не указал на допросе эти признаки, и зафиксировать их в данном протоколе.

К слову сказать, данные экспериментальной психологии дают возможность констатировать, что в ряде случаев в процессе опознания используются опре-

деленные латентные признаки, которые не фиксируются полностью или частично на уровне сознания и поэтому не могут быть предварительно воспроизведены при допросе. Здесь проблема заключается в другом – в отсутствии у следователя реальной возможности установить, произошло ли опознание предъявляемого объекта по признакам, хранившимся у опознающего в латентно запечатленной форме и актуализировавшихся в процессе узнавания, или он в действительности описывает признаки только что увиденного человека или предмета. [3]

Однако в криминалистической литературе до сих пор нет единства мнений по поводу доказательственного значения предъявления для опознания в случаях, когда опознающий не сообщил на допросе приметы и особенности опознаваемого человека, но высказывает уверенность, что сможет его узнать. Одни авторы считают, что такое предъявление не имеет смысла даже при положительном результате, а при оценке результатов предъявления для опознания указанные новые признаки, приметы и особенности, безусловно, не должны приниматься во внимание [3], другие придерживаются противоположной точки зрения.

Воспроизведение по памяти происходит путем припоминания и узнавания. Физиологической основой этого служит оживление установившихся в процессе запоминания временных нервных связей. В своих показаниях на допросе человек воспроизводит образ воспринятого события, явления, обстоятельств, при которых наблюдался соответствующий объект, приметы и его особенности, в пределах того, что сохранилось и восстановилось у него в памяти. Другими словами, человек вербализует мысленный образ, отражающий воспринятый объект или событие. Описание объекта как бы систематизирует сохранившуюся в памяти информацию, мобилизует ее скрытые возможности и тем самым способствует последующему опознанию. Страх, напряжение, утомление затрудняют припоминание, поэтому тактическое значение имеет при допросе создание обстановки, успокаивающей допрашиваемого. Важно вытеснить из сознания допрашиваемого негативные эмоции, мешающие спокойно воспроизведению запечатленного. Помимо этого важным является то, что зачастую выразить мысленный образ в словесной форме для многих людей является задачей более сложной, чем узнавание объекта при предъявлении. Это обусловлено в определенной степени тем, что многие признаки в деталях вообще очень трудно описать словами (например, особенности походки, тембр голоса, выражение лица и т. п.). Чаще всего удается передать лишь самое общее впечатление. Непроизвольные искажения при узнавании вызывают мнение о том, что узнавание будет более достоверным, если субъект подробно перечислит признаки объекта, и менее надежным, если он не в состоянии это сделать. Однако в следственной практике приходится встречаться с тем, что свидетель

в ходе допроса вообще не может назвать определенные признаки лица, но заявляет, что сможет опознать предъявленное ему лицо, и, увидев объект, опознает его с полной определенностью. С психологической точки зрения такое опознание основано на приметах и признаках, которые при узнавании фиксируются автоматически, в результате человек узнает объект как бы «одномоментно и сразу» [6].

Как считают ученые, «неспособность описать предмет не исключает возможности его безошибочного опознания, как и описание объекта не обеспечивает возможности его несомненного опознания» [6, с. 264], с чем, несомненно, следует согласиться. Но тогда возникает вопрос: а что делать, если свидетель, потерпевший не могут указать на признаки объекта, но заявляют о возможности его опознания при предъявлении в натуре?

Здесь можно рекомендовать увеличить количество предъявляемых объектов до пяти, но не более, поскольку дальше внимание опознающего будет рассеиваться из-за большого количества предъявляемых объектов. Тем более учеными установлено, что «в условиях средней сложности человеком визуально может опознаваться не более трех объектов» [8, с. 91].

Оценка результатов опознания является логическим завершением опознавательного процесса. Для того чтобы удостовериться в его результатах, следователь должен задать три вопроса: есть ли среди предъявляемых объектов тот, о которых ранее давались показания на допросе; по каким признакам опознающий опознал объект; с уверенностью ли он его опознает? Последняя формулировка представляется не совсем психологически корректной, поскольку ставит под сомнение способности опознающего отождествить объект.

Наиболее целесообразной представляется следующая формулировка: «Вы опознаете данный объект (предмет, человека) как тот же самый, или похожий на воспринятый Вами ранее?». При ответе на данный вопрос как раз и будет понятно, насколько сопоставимы сравниваемые объекты по родовым и индивидуальным признакам и какова достоверность результата опознания.

Также следователям следует помнить, что восприятие, запоминание и сохранение в памяти во многом зависят от того, является ли память конкретно-го участника уголовного судопроизводства по преимуществу наглядно-образной, словесно-логической, двигательной, зрительной или слуховой. [1]

С точки зрения предъявления для опознания наибольший интерес представляют такие виды памяти, как зрительная и слуховая. У отдельных людей какой-либо из перечисленных видов памяти может доминировать, и поэтому надо стараться предъявлять объекты для опознания в соответствующей форме. [1]

Надеемся, что предложенные рекомендации тактико-психологического характера позволят избежать ряда ошибок при производстве предъявления для опознания и повысить эффективность данного следственного действия как одного из средств формирования доказательственной базы по уголовным делам.

Библиографический список

1. Баранов, А.М., Мазунин, Я.М. Сущность предъявления для опознания как психофизиологический процесс узнавания / А.М. Баранов, Я.М. Мазунин // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – №2 (49). – С. 20-24.
2. Галяшина, Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза / Е.И. Галяшина. – М., 2001.
3. Егорова, Е.В. Проблемные вопросы предъявления живых лиц для опознания / Е.В. Егорова // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – №12. – С. 78-84.
4. Моисеев, Н.А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания по признакам голоса и речи / Н.А. Моисеев // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2012. – №1. – С. 17-21.
5. Опознание по голосу. – URL: <http://pershickow.ru/opoznanie-po-golosu> (дата обращения: 22.02.2019).
6. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие / А.Р. Ратинов. – М., 1967.
7. Романов, В.В. Юридическая психология: Учебник / В.В. Романов. – М. : Юрист, 2002.
8. Шехтер, М.С. Зрительное опознание. Закономерности и механизмы / М.С. Шехтер. – М., 1981.
9. Шехтер, М.С. Некоторые теоретические вопросы психологии узнавания / М.С. Шехтер // Вопросы психологии. – 1963. – №4.